

*В. А. Лекторский*  
**Деятельностный подход  
вчера и сегодня**

**В**ладимира Петровича Зинченко я знаю не менее пятидесяти лет. Нас связывают узы дружбы, общие интеллектуальные пристрастия, общее понимание реалий отечественной жизни. Владимир Петрович — один из крупнейших наших психологов — экспериментатор и теоретик. Он и философ, и культуролог, и блестящий публицист.

Он был одним из лидеров того «когнитивного поворота», который произошел в нашей философии, психологии и других науках о человеке в 60-е годы прошлого столетия и ознаменовался появлением целой плеяды выдающихся людей, создавших оригинальные концепции, а иногда и собственные школы. В те годы среди наших самых интересных философов и психологов был весьма популярен «деятельностный подход». В его разработку весомый вклад внес и Владимир Петрович — прежде всего в связи с исследованиями в области психологии действия. В последние годы Владимир Петрович высказывается критически о деятельностном подходе — по крайней мере, в отношении глобальных притязаний последнего.

Мне же представляется, что при определенном переосмыслении деятельностный подход может быть понят не как прошлое, а скорее как настоящее и, может быть, ближайшее будущее философии и когнитивных исследований в мире. В этом тексте я попытался дать свое осмысление того, что было сделано в свое время в нашей философии (отчасти и психологии) в контексте современных когнитивных исследований.

Я поздравляю Владимира Петровича, моего друга и исключительного человека, с замечательным юбилеем. Желаю ему доброго здоровья, долголетия, творческой неутомимости.

Может быть, мой текст его заинтересует.

\* \* \*

Мне неоднократно приходилось говорить и писать о деятельностном подходе, который был весьма популярен в отечественной философии и психологии в 1960–1980-е годы, а потом был отчасти забыт, отчасти раскритикован, в том числе и некоторыми его бывшими адептами. Мне кажется, что есть смысл попытаться понять в современном контексте некоторые особенности тех деятельностных идей и концепций, которые были популярны в то время в нашей стране: как в философии, так и в некоторых науках о человеке, прежде всего в психологии — между философией и этими науками в то время существовала довольно сильная связь. Необходимость «нового прочтения» этих философских и методологических идей связана в числе прочего с тремя обстоятельствами.

Во-первых, сегодня в когнитивной науке весьма популярны концепции «телесно-воплощенного» и «энактивированного» познания и психики, исходящие из неразрывной связи познания, действия и предметных форм культуры. Существует два варианта этого подхода. Один из них связан с идеями Ф. Варелы и его сторонников, второй с идеями американского философа Э. Кларка. Ф. Варела в числе прочего опирается на работы французского феноменолога М. Мерло-Понти, Э. Кларк отталкивается от экологической теории восприятия Дж. Гибсона и в то же время ссылается на идеи Л. Выготского и советскую школу культурно-исторической деятельностной психологии. Наш известный специалист в когнитивной психологии Б. М. Величковский в одной из последних своих книг пишет о необходимости возврата к «несколько позабытому деятельностному подходу».

Во-вторых, среди ряда наших философов, психологов, специалистов в области гуманитарных наук стали популярными сегодня разного рода конструктивистские теории (радикальный эпистемологический конструктивизм, социальный конструкционизм и др.), претендующие на более адекватную интерпретацию тех феноменов, с которыми имел дело в свое время деятельностный подход. Есть смысл разобраться в том, какое отношение имеет современный конструктивизм к деятельностному подходу.

В-третьих, сегодня в психологии и других науках о человеке деятельностный и культурно-исторический подходы к пониманию психики успешно разрабатываются в ряде стран. Я имею в виду, например, концепцию известного финского психолога Ю. Энгештрёма, который создал оригинальную теорию с опорой на ряд идей нашего психолога А. Леонтьева и советского философа Э. Ильенкова, а также ряд других концепций.

Во всяком случае деятельностные идеи, разрабатывавшиеся в нашей стране (в философии, психологии и других науках о человеке) тридцать–сорок лет тому назад, оказываются связанными с теми дискуссиями, которые сегодня идут в когнитивных исследованиях. Я попробую проанализировать основные идеи, которые были высказаны отечественными философами в связи с разработкой этого подхода, попытаюсь понять их смысл тогда и сегодня.

Я хочу подчеркнуть, что разработка представлений о теснейшей связи сознания, психики, познания и деятельности началась не в 1960-е годы, а гораздо раньше. В 1935 году наш известный философ и психолог С. Л. Рубинштейн в статье «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» развертывает со ссылкой на ранние работы Маркса психологическую концепцию, согласно которой сознание не есть нечто непосредственно данное, что психологический субъект формируется в процессе собственной деятельности, а психические процессы опосредуются культурными объективациями. В этой связи он сформулировал известный принцип единства сознания и деятельности, который был принят в качестве методологического многими отечественными психологами. Важно однако заметить, что ряд особенностей понимания связи сознания и деятельности были сформулированы С. Л. Рубинштейном в начале 1920-х годов, когда он еще не был марксистом и не был психологом, а был философом и разделял основные идеи марбургской школы неокантианства (он был в свое время учеником Г. Когена). Именно в этих ранних его работах обосновывается положение о том, что субъект не стоит за деятельностью, а именно в этой деятельности формируется, возникает, что реальность, с которой имеет дело субъект, не противостоит ему извне, а включена в его деятельность, что мир не дан, а «задан» деятельному субъекту. На стадии рецепции идей К. Маркса С. Л. Рубинштейн связал эти идеи с известным марксовым положением о том, что практика должна быть понята как совпадение изменения обстоятельств и самого себя.

Нужно, правда, сказать, что сам принцип единства сознания и деятельности не был очень четко сформулирован, а в поздних своих работах С. Л. Рубинштейн критиковал универсализацию деятельностного подхода и подчеркивал, что деятельность не может вытеснить созерцание, которое с его точки зрения есть не менее важный способ отношения человека к миру (некоторые наши исследователи полагают даже, что в поздние годы он отказался от деятельностного подхода). В этой связи я хочу сформулировать свое понимание деятельностного подхода как он был понят в философии и науках о человеке в XX веке.

Смысл этого подхода был в попытке снятия резкой оппозиции субъективного и объективного, «внешнего» и «внутреннего» мира, оппозиции, из которой исходила по сути дела вся европейская философия, психология и другие науки о человеке на протяжении нескольких столетий после Декарта. Принятие этой оппозиции определяло понимание как субъективности, так и внешнего мира, т. е. влияло на исследовательские программы в науке, особенно в науках о человеке. XX век — это многочисленные попытки снятия указанной оппозиции в разных философских концепциях, включая прагматизм, феноменологию Мерло-Понти и Сартра, философию позднего Витгенштейна. Во всех этих концепциях (хотя они весьма различны) деятельность понимается как своеобразный посредник между человеком с его «внутренним» миром и миром объектов, других людей, произведений культуры. В известном смысле все эти концепции можно считать деятельностными. В Советском Союзе понимание человека и деятельности разрабатывалось прежде всего в рамках традиции немецкой философии: не только Маркса, но и Фихте, Гегеля (и даже, как можно увидеть на примере С. Л. Рубинштейна, немецкого неокантианства). Важно однако подчеркнуть, что и ряд западных философов, и советские философы, разрабатывавшие деятельностный подход, имели дело с одной и той же проблемой и поэтому результаты их разработок можно сопоставлять. Что же касается деятельностных концепций советских психологов, то они, как я уже говорил, включены в развитие мировой психологической мысли.

Хочу заметить, что деятельностный подход в нашей стране принимался в штыки официальной советской философией. По многим причинам. Во-первых, потому, что его подозревали в отходе от теории отражения и философского материализма. Во-вторых, потому, что подчеркивание человеческой творческой активности, ее свободы воспринималось официальными лицами как покушение на руководящую роль партии и направляющую роль марксистско-ленинской идеологии. Советских сторонников деятельностного подхода подозревали в близости к возникшей в 1960-е годы в Югославии философской группе «Праксис», претендовавшей на возврат к аутентичным взглядам Маркса и на гуманистическую трактовку марксизма. Эта группа считалась в Советском Союзе ревизионистской.

В этой связи скажу сразу об отношении деятельностного подхода в советской философии и идей группы «Праксис». В ряде пунктов между теми и другими существовало сходство. Оно было обусловлено прежде всего тем фактом, что и советские сторонни-

ки деятельностного подхода, и югославские философы из группы «Праксис» исходили из одних и тех же идей — идей Маркса (особенно выраженных в его ранних работах). Были и определенные личные связи: например, с одним из лидеров «Праксиса» М. Марковичем, который часто приезжал в Советский Союз. Однако были и существенные различия. Философы «Праксиса» в основном были заняты социальной критикой (бюрократического социализма в СССР, авторитарных явлений в Югославии, общества потребления на Западе, отчуждения во всем мире и т. д.). Советские философы не имели таких возможностей для социальной критики, хотя были настроены весьма критически по отношению к той социальной реальности, которая их окружала. Они тоже исследовали проблематику отчуждения (например, в известной статье Э. В. Ильенкова, опубликованной сначала на Западе и вызвавшей шквал идеологических нападок), анализировали проблематику гуманизма (об этом много писал, например, Г. С. Батищев, за что и сильно пострадал), но их интерес был связан прежде всего с изучением самой структуры деятельности и с методологическими проблемами наук о человеке, а также науки вообще. Отсюда тесная связь наших сторонников деятельностного подхода с психологией (Э. В. Ильенков, Г. П. Щедровицкий), с педагогикой (Г. С. Батищев), с историей естествознания (В. С. Степин, И. С. Алексеев). Наконец, югославские философы группы «Праксис» считали, что принятие в качестве исходного философского положения тезиса о практическом отношении человека к миру снимает противоположность материализма и идеализма. Никто из отечественных сторонников деятельностного подхода не отказывался от материализма, хотя критики упрекали их именно в этом и хотя их понимание материализма действительно отличалось от примитивного его понимания, разделившегося официальной философией.

Деятельность и деятельностный подход стал одной из центральных проблем для нового движения в советской философии, начиная с 60-х годов прошлого века. Я связываю это прежде всего с работами Э. В. Ильенкова, в частности, с его известной статьей «Идеальное», опубликованной в «Философской Энциклопедии» в 1962 году. Эта статья была воспринята нашей официальной философией как величайшая ересь. Автор обосновывал положение о том, что идеальное существует прежде всего в формах коллективной человеческой деятельности, т. е. вне головы отдельного индивида как деятельная форма вещи вне самой вещи. Субъективный мир возникает на основе включения индивида в эту деятельность. Внешняя реальность дана человеку через деятельность и в формах

этой деятельности. И человеческая свобода, и нормы жизни возникают именно в деятельности и через нее. Иными словами, вопросы, связанные с пониманием того, что такое сознание, субъективный мир, мир языковых значений, норм и категорий мышления были поняты в связи с человеческой деятельностью.

Те отечественные психологи, которые продолжали традиции культурно-исторической школы Л. С. Выготского (А. Н. Леонтьев, В. В. Давыдов и др.) приняли позицию Э. В. Ильенкова. Более того, я полагаю, что именно разработка Э. В. Ильенковым деятельностной проблематики повлияли на создание А. Н. Леоньевым в начале 1970-х гг. его известной психологической теории деятельности. Поэтому когда известный философ М. А. Лифшиц, в ряде отношений близкий к Э. В. Ильенкову, но категорически не принимавший деятельностный подход во всех его вариантах, писал о том, что на идеи Ильенкова относительно деятельности плохо повлияли отечественные психологи, он совершенно не прав. Думаю, что влияние было скорее обратным.

В этой связи я хочу обратить специальное внимание на то, как идеи Э. В. Ильенкова относительно деятельности влияли не только на теоретические представления отечественных психологов, но даже на их экспериментальную практику. Я имею в виду знаменитую работу наших психологов по воспитанию слепоглухих детей, по формированию у них полноценной человеческой психики. Э. В. Ильенков включился в эту работу: для него это было своеобразной проверкой его философских идей. В экспериментально-практической работе психологов было показано, что усвоение предметного значения слов языка может произойти у такого ребенка только в том случае, если соответствующий предмет включен в коллективную деятельность. Первоначально это так называемая совместно-разделенная деятельность ребенка с взрослым человеком. Так как именно зафиксированные в коллективной деятельности способы обращения с предметом выделяют в нем соответствующие объективные свойства. Деятельность предметна, зависит от объективных характеристик предмета. Вместе с тем она выделяет в предмете то, что важно и нужно для деятельности. Поэтому попытки обучения ребенка языку посредством простого соотнесения знаков языка с самими по себе предметами не давали результата. В данном случае хорошо видно, что общение включено в деятельность, является ее неотъемлемым компонентом: вне отношений с другим человеком деятельность невозможна. Особую роль в этом процессе играют специальные предметы. Это вещи, созданные самим человеком: ложки, чашки, ботинки, одежда и т. д. Это не просто вещи,

а способы межчеловеческой коммуникации. Для Э. В. Ильенкова случай со слепоглухонемыми детьми не какой-то особенный и специфический (хотя специфики там достаточно), а своеобразный «жестокый эксперимент» самой природы, позволяющий как бы «в чистом виде» наблюдать особенности человеческой деятельности и ее роль в формировании психики, сознания, личности.

Важную роль в философской разработке деятельностной проблематики играли работы Г. С. Батищева. В статье «Деятельная сущность человека», опубликованной в 1971 году, и в ряде других текстов он осуществил развернутое исследование структуры деятельности, взаимоотношения в ней опредмечивания и распределенности, опредмечивания и отчуждения, трансформации внешней реальности (субъектно-объектные отношения) и межчеловеческих (субъектно-субъектных) отношений. Он специально анализировал творческое измерение деятельности, ее открытость, выход за пределы существующих стереотипов, ее связь с критической социальной установкой, внутренне связанную с ней свободу, специфические особенности культурных объективаций деятельности («произведений»). Тексты Г. С. Батищева вызвали большое неудовольствие официальных идеологов,

Но в дальнейшем отношении Г. С. Батищева к деятельностному подходу начинает серьезно меняться. Если в начале он противопоставил два компонента деятельности — субъектно-объектные и субъектно-субъектные отношения, отдав приоритет последним, то потом (в 1980-е годы) он вообще писал о границах деятельностного подхода, о существовании вне-деятельностных слоев сознания (интуиция, эмпатия, бессознательное и др.), о необходимости дополнения деятельности «глубинным общением» как наиболее адекватным отношением к Универсуму. Это связано с его отходом от марксизма (он даже написал работу с критикой марксовых «Тезисов о Фейербахе», оставшуюся неопубликованной).

Своеобразную разработку деятельностный подход получил в отечественных работах по методологии науки. В этих работах деятельность изучалась прежде всего в ее субъектно-объектном аспекте.

В. С. Степин разработал в 1970-е годы своеобразную философскую концепцию научной теории на основе анализа строения и динамики теории в физике. Он специально исследовал роль такого своеобразного вида деятельности как научный эксперимент и выяснил взаимоотношение экспериментальных действий с формальными и содержательными операциями в процессе построения и развития научной теории, связь картин мира и научных онтологий с этими операциями. Оригинальность концепции В. С. Степина

была в демонстрации того, что в естественных науках теория строится не гипотетико-дедуктивным способом (как полагали многие специалисты в этой области), а при посредстве генетически-конструктивного метода, который предполагает мысленное экспериментирование с идеальными объектами. Автор обосновывал идею об операциональном смысле и конструктивном обосновании теоретических схем.

В этой связи В. С. Степин обсуждал вопрос о том, какое отношение к человеческой деятельности имеет наблюдение тех объектов (например, Луна, планеты, звезды в астрономии), на которые человек непосредственно не может воздействовать. Его позиция состояла, во-первых, в том, что при астрономических наблюдениях имеет место некоторая аналогия приборной ситуации, когда взаимодействие одного объекта с другим используется в качестве некоего естественного эксперимента, во-вторых, в том, что деятельность выделяет из бесконечного набора актуальных и потенциальных признаков объекта только ограниченный подкласс этих признаков.

В. С. Степин спорил по этому вопросу с другим отечественным специалистом в области философии науки — И. С. Алексеевым. Согласно последнему, любые наблюдаемые объекты вне деятельности не существуют, мир не состоит из стационарных объектов, обладающих актуальными свойствами. Он — скорее набор потенциальных возможностей, лишь часть из которых может реализоваться. Деятельность осуществляет те возможности, которые в природе самой по себе реализоваться не могут. В этом смысле деятельность создает свои объекты. Свою позицию, исходящую из понимания деятельности как субстанции И. С. Алексеев назвал «субъективным материализмом». Ее сегодня мы по праву можем считать конструктивистской.

Особую роль в разработке деятельностного подхода в нашей стране играли идеи философа и методолога Г. П. Щедровицкого. Он начал (в 1960-е годы) с проекта деятельностной теории мышления, которая исходила из того, что мышление было понято как деятельность в двух плоскостях: порождения содержания и движения в знаковой форме. Содержание генерируется при помощи операций предметно-практического сопоставления, а затем происходит оперирование с самой формой. Все операции были разложены на составляющие, при этом было предположено, что набор операций конечен. Г. П. Щедровицкий и группа его последователей изучали конкретные образцы мышления и взаимодействовали с психологами и специалистами в области педагогики, предлагая конкретные

рекомендации. Затем (в 1970-е годы) Г. П. Щедровицкий построил Общую теорию коллективной деятельности. Деятельность, по Г. П. Щедровицкому, — это коллективная система, включающая цели деятельности, средства ее осуществления, нормы, разделение позиций участников. Задача методолога, по Г. П. Щедровицкому, — проектирование разного рода организованностей в виде разных систем деятельности: в науке, в образовании, в обществе. Проблемы сознания, идеального, личности лежали вне сферы интересов так понятой теории деятельности. Г. П. Щедровицкий и его группа установили тесные связи с рядом областей практической жизни. Из такого понимания деятельности выросли так называемые организационно-деятельностные игры, которые успешно развиваются до настоящего времени.

Г. П. Щедровицкий испытал влияния К. Маркса, Г. В. Ф. Гегеля и организационной теории А. А. Богданова и создал своеобразный технократический вариант деятельностного подхода (принципиально отличающийся от того, какой имел место у Э. В. Ильенкова и Г. С. Батищева). Для Г. П. Щедровицкого деятельность — это саморазвивающаяся субстанция. Индивид захватывается этой субстанцией и только в той мере, в какой он занимает определенное функциональное место в деятельности, он может стать человеком. Но в целом индивид, его субъективность, его личность не интересуют Г. П. Щедровицкого. Его понимание деятельности принципиально бессубъектно.

Таким образом, в отечественной философии того времени были созданы разные концепции деятельности. Они имели между собою нечто общее, но в то же время серьезно друг от друга отличались и полемизировали друг с другом. Я хочу обратить внимание на то, что эти разногласия были неслучайны, так как касались реальных проблем. Я считаю, что это именно те проблемы, с решением которых связана современная разработка деятельностного подхода в науках о человеке.

Прежде всего это понимание основного тезиса деятельностного подхода: мир дан человеку в формах его деятельности. Означает ли это, что объективный мир — это что-то вроде кантовской вещи в себе, а человек может иметь дело только с тем, что он сам сотворил, построил (это по сути дела тезис философского конструктивизма)? Мне представляется, что сторонники И. С. Алексеева и Г. П. Щедровицкого положительно отвечают на этот вопрос. Такому пониманию противостоит другая позиция, отстаивавшаяся, например, Э. В. Ильенковым и «ранним» Г. С. Батищевым с опорой на соответствующие высказывания К. Маркса: деятельность чело-

века всегда предметна и при том осуществляется не в соответствии с особенностями организации человеческого тела, а в соответствии со специфической логикой каждого специфического предмета — в этом и состоит «универсальность» человека, отличающая его от всех других живых существ.

Популярный сегодня в когнитивной науке «телесно-ориентированный подход» противостоит философскому конструктивизму, ибо исходит из того, что любое познающее и действующее существо имеет дело с самым реальным миром. Вместе с тем с точки зрения «телесного подхода» деятельность выделяет в мире те его особенности, которые существенны именно для того или иного типа познающих существ: а это выделение зависит от размеров и других особенностей тела познающего и от его потребностей. Поэтому нужно различать физический мир и окружающий мир, а внутри последнего следует выделять разные «под-миры» или типы реальности (это одна из основных идей Дж. Гибсона, существенно повлиявшего на формирование концепции «телесно-ориентированного подхода»). Например, реальность, воспринимаемая человеком и летучей мышью, не одна и та же (об этом написал американский философ Т. Нагель в нашумевшей статье). Казалось бы, «телесно-ориентированный подход» как современная форма подхода деятельностного и утверждение об «универсальном» отношении человека к миру противоречат друг другу. В действительности это кажущееся противоречие. Отношение человека к миру не ограничивается особенностями его тела и его потребностями: он как бы «выходит» за свои телесные границы и создает мир искусственных предметов и пытается понять отношение различных миров и «под-миров» в их собственной специфике. Это одна из идей популярного сегодня «расширенного» понимания познания (Э. Кларк, Р. Уилсон и др.).

Другая проблема: взаимоотношение созерцания и деятельности. Я уже писал, что такие основоположники деятельностного подхода в советской философии, как С. Л. Рубинштейн и Г. С. Батищев в конце жизни противопоставили деятельность и созерцание, подчеркивая несводимость второго к первой. В этом пункте действительно имеется определенная сложность. Если деятельность есть трансформация реальности, то познание есть постижение ее такой, какова она есть. Поэтому нельзя отождествить деятельность и познание (что пытаются делать сегодня некоторые теоретики когнитивной науки, в частности, Ф. Варела). Однако важно иметь в виду, что познание исходно вплетено в деятельность, ибо именно последняя связывает познающий субъект и познаваемый объект и

выделяет существенные особенности последнего. Если восприятие понимать как простой результат переработки мозгом той информации, которая получается в результате воздействия внешнего мира на пассивного субъекта, то неизбежны выводы подобные концепции «методологического солипсизма», предложенной в свое время Дж. Фодором. В рамках деятельностного понимания возникает новая концепция восприятия, отказывающаяся от многих идей, связанных с его классической трактовкой в философии и психологии. Речь идет в частности о том, что восприятие — это не простой результат переработки информации, а непрерывный процесс ее извлечения из мира, поэтому восприятие не «дается» и не конструируется, а «берется» с помощью предметных действий (Дж. Гибсон, У. Нейссер и др.).

Наконец, еще одна проблема: взаимоотношение деятельности и общения. О том, что общение не есть деятельность, что нельзя субъектно-субъектное отношение свести к отношению субъектно-объектному писали противники деятельностного подхода в психологии, в частности, Б. Ф. Ломов, а в философском плане — С. Л. Рубинштейн и Г. С. Батищев. В самом деле, отношение к другому субъекту не есть отношение к неодушевленному предмету. Если я воспринимаю другого как внешнюю реальность, то одновременно допускаю, что и он воспринимает меня таким же образом. А это значит, что в само мое восприятие другого человека включено сознание восприятия меня другим. Но почему деятельность нужно понимать только как трансформацию неодушевленных вещей? Деятельность — это изменение реальностей разного типа, в том числе и реальности межчеловеческих отношений. А это может быть достигнуто и с помощью коммуникации. Поэтому коммуникация — это, конечно, деятельность, хотя особого рода. Вместе с тем важно иметь в виду, что познавательное и деятельное отношение человека к миру изначально предполагает коммуникацию, ибо человек имеет дело с миром лишь через посредство особого рода предметов, сделанных другими людьми. Пользование такими предметами необходимо включает общение с другими (я писал об этом в данном тексте в связи с проблемой психического развития слепоглухонемых детей). И, наконец, любой акт коммуникации имеет смысл только в рамках более широкой системы деятельности. Разрабатывающиеся сегодня концепции «расширенного познания» и «расширенного сознания» имеют дело именно с этой проблематикой.

Сегодня у нас среди некоторых философов, психологов, культурологов пользуются популярностью разные конструктивистские

концепции, особенно так называемый социальный конструкционизм (К. Герген и др.) и связанный с ним нарративный подход в философии и психологии. Некоторые наши философы считают, что именно в конструктивизме более адекватно выражено то, что остается ценным в деятельностном подходе. Однако я считаю, что социальный конструкционизм, во-первых, противостоит деятельностному подходу, и, во-вторых, не может быть перспективной методологией в науках о человеке.

Дело в том, что с точки зрения социальных конструкционистов при исследовании психики, сознания, человеческой личности мы имеем дело не с реальными предметами, а лишь с конструкциями двоякого рода. Во-первых, это продукты социальных взаимодействий, разного рода коммуникаций, имеющих культурно-исторический характер. Во-вторых, сам исследователь вместе с тем, кого он исследует, строит изучаемый предмет, который вне этого процесса не существует. То, что принимается за познание, в действительности таковым не является. Психолог или социолог, с этой точки зрения, являются в действительности не исследователями, не учеными, а участниками в создании определенных социальных отношений, некоей эфемерной социальной реальности, о которой можно говорить лишь в условном смысле, ибо она существует только в рамках конструктивной деятельности. С этой точки зрения в социальной психологии, например, эксперимент как способ получения объективного знания невозможен, потому что экспериментатор и объект его экспериментов (другой человек) вступают друг с другом в коммуникационное взаимодействие, в ходе которого объект исследования принципиально изменяется. Поэтому, с этой точки зрения, бессмысленно говорить и о научной теории при изучении человека.

В социальном конструкционизме есть нечто, что роднит его с культурно-историческим деятельностным подходом: идея о том, что психика, сознание, личность являются продуктом социальных взаимодействий и коммуникаций и имеют культурно-исторический характер. Сторонники этой концепции ссылаются в этой связи на Л. С. Выготского и М. М. Бахтина и заявляют о том, что именно социальный конструкционизм является современным развитием идей последних. Между тем, тезис о том, что исследователь имеет дело не с познанием чего-то реально существующего, а создает исследуемую реальность, принципиально отличает его от деятельностного подхода, как он был понят в советской философии и психологии. В действительности любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она

выявляет и пытается трансформировать. С другой стороны, реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность.

Сконструированность не обязательно означает нереальность того, что построено. Если «Я», личность, идентичность — это социальные конструкции, из этого вовсе не следует их нереальность. И стол, за которым я сижу, тоже построен, сконструирован. Однако он не перестает от этого существовать. Можно сказать, что все социальные институты есть продукт человеческой деятельности, т. е. в некотором смысле конструкции. Но из этого не следует их нереальность. Человек вообще создает такие предметы (как материальные, так и идеальные), которые как бы выходят из-под его контроля и начинают жить вполне самостоятельной реальной жизнью. Это и социальные институты — и поэтому можно и нужно изучать их структуры, строить о них теории. Это и субъективный мир человека — предмет психологических исследований: как теоретических, так и экспериментальных. Это мир идеальных продуктов человеческого творчества, развивающийся по своим особым законам, хотя и в рамках человеческой деятельности, как это показал Э. В. Ильенков. Эти идеальные предметы до такой степени отделяются от породившего, сконструировавшего их творца, что сегодня многие считают бессмысленным ставить вопрос об их авторстве.

Я думаю, что развитие современной философии, психологии и когнитивной науки вновь делают актуальной разработку проблематики деятельности и деятельностного подхода. То, что уже было сделано в этом отношении в отечественной философии, может быть интересным сегодня. Это означает не то, что во второй половине XX века в советской философии были найдены ответы на вопросы, которые сегодня интересуют исследователей познания и сознания, а только то, что плодотворность ряда идей, высказанных и обоснованных в то время, может быть осмыслена в современном контексте. Современная разработка деятельностного подхода предполагает исследование ряда проблем, которые не обсуждались и не могли обсуждаться тридцать-сорок лет тому назад. Сегодня, наверное, можно говорить и некоем «неодеятельностном» подходе, который должен ассимилировать то, что было сделано в последние десятилетия в философии и когнитивных науках. Но преемственная связь этого современного подхода с тем, что делалось в свое время в отечественной философии и науках о человеке, для меня является очевидной.